

УДК 1(091):316.3

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ИДЕИ VS ИДЕОЛОГИИ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева»,
ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Кемерово

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.052

Реалии современной общественной жизни, формирующиеся под влиянием множества самых различных вызовов и вдобавок ко всему пребывающие в состоянии турбулентности ввиду нелинейности мира, требуют нетривиальных и своевременных ответов. Предназначение современных общественных наук видится в необходимости реализации не только лишь теоретического, но и прикладного потенциала. Сети интеллектуалов призваны создавать конкурентоспособные продукты, отражающие результаты их мыслительной деятельности, которые бы при этом обеспечивали эволюционное развитие того или иного общества. Статья посвящена рассмотрению давнего спора о том, какой из интеллектуальных продуктов, идеи или идеологии, наиболее эффективен с позиции осуществления социальных преобразований. Теоретико-методологическую базу исследования составили компаративистский метод и разработанная автором интегральная концепция изучения социальных преобразований, учитывающая положения акторно-сетевой теории, неинституционализма, мир-системного анализа, нарративного подхода, теории фреймов и ряда других исследовательских установок. Рассмотрена сущность идей и идеологий. Показаны механизмы создания данных интеллектуальных продуктов. На основе анализа исторических фактов, связанных с идейной детерминацией процессов социальных преобразований, автор приходит к однозначному выводу о большей эффективности идей перед идеологиями.

Ключевые слова: *идея, идеология, интеллектуалы, общество, контекст, история, эволюция.*

Социальные преобразования лишь с относительно недавнего времени вошли в предметное поле философского дискурса, но, тем не менее, прикладной характер современной науки добавляет данной тематике дополнительную актуальность. Действительно, выявление оснований изменений, реализуемых в том или ином обществе, позволяет управлять социальными процессами, ставить определенные цели, оценивать результаты и строить будущие прогнозы развития государств, да еще и в масштабах общемирового пространства.

В последние годы отмечается, что среди множества оснований осуществления социальных трансформаций особое место занимают интеллектуальные ресурсы, напрямую занятые созданием таких продуктов, как идеи и идеологии, непосредственно используемых при реализации планируемых изменений. Как показала многочисленная практика, каждый из этих продуктов формирует специфические черты и способы социальных изменений, поэтому в данной статье мы попытаемся проанализировать давно назревшую проблему, касающуюся дискуссий о том, какой из результатов интеллектуальной деятельности на сегодня более эффективен и предпочтителен. Для решения обозначенной задачи представляется необходимым сравнить идеи и идеологии именно как основания реализуемых в обществе изменений, обозначив их преимущества и недостатки.

Методологические трудности исследования идей и идеологий сопряжены с поиском такой методологии, которая позволила бы объединить сильные стороны отдельных исследовательских позиций. К настоящему времени нами разработана интегральная концепция¹, учитывающая целый ряд подходов к исследованию данных идеальных феноменов в их социальном приложении, среди которых в нашей статье выделяем следующие:

1. Акторно-сетевая теория, представители которой полагают, что идея представляет собой результат интеллектуальной деятельности соответствующих акторов, отдельных ученых и целых лабораторий, объединенных между собой в единую сеть. Собственно говоря, последняя напрямую детерминирует способы взаимодействия между акторами, а также процессы формирования и создания самих результатов интеллектуальной деятельности. При этом существенная роль сегодня принадлежит технико-технологическим параметрам среды рассматриваемой деятельности. По сути, это коррелирует с тем, что содержательно (а затем и функционально) идеи находятся в отношениях взаимной детерминированности с социосферой, которая при подробном анализе позволяет в каждом отдельном случае создать четкие схемы влияющих на сетевое производство идей факторов.

¹ Подробнее об этом см.: Равочкин Н.Н. Идеиные основания нововременных политико-правовых институтов. Воронеж: ООО «Научное издательство Гусевых», 2019. 217 с.; Равочкин Н.Н. Возможности мир-системного анализа И. Валлерстайна в социально-философских исследованиях идей // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 2. С. 87–91; Равочкин Н.Н. Включение теории Д. Норта в синтетическую методологию изучения идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований // Социология. 2020. № 1. С. 238-247; Равочкин Н.Н., Нескрябина О.Ф., Мусат Р.П., Князев Н.А. Проблематика идей и политико-правовых институтов в освещении нарративного подхода // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 6-1. С. 204-216.

2. Нарративный подход, в рамках которого утверждается, что результаты интеллектуальной деятельности напрямую связаны с процессами повествования, зависящего от точки зрения и позиции рассказчика. На интеллектуальную активность и деятельность последнего оказывает влияние богатый контекст, что в очередной раз свидетельствует об отсутствии объективных и универсальных причин объяснения в каждом конкретном случае. Таким образом, принципиальными здесь оказываются логика релятивизма и принцип элиминации фундаментальных оснований.
3. Мир-системный анализ, полагающий, что в результатах интеллектуальной деятельности представлен собой способ концептуализации в рамках мира собственной идентичности, а также вариант объяснения, почему одно общество властвует над другим. В данном случае мы имеем дело с экономическими и культурными доминантами, объясняющими преимущество центра над периферией.
4. Теория фреймов, где интересующие нас феномены правомерно рассматривать как результат теоретического осмысления в конкретных общественно-исторических условиях.
5. Неоинституционализм, в котором возникновение и содержательное наполнение интересующих нас интеллектуальных конструкций также происходит в конкретных условиях того или иного социума, но при обязательном руководстве принятыми в нем нормами и правилами взаимодействия.

Все различие между подходами к пониманию создания интеллектуальных продуктов социальной направленности коренится в том, что, даже несмотря на кажущуюся схожесть, они имеют различные способы своей реализации, будто ожидая своего методологического синтеза. Помимо этого, в перспективе данная концепция, ориентированная и на практическую сторону бытия результатов интеллектуальной деятельности, может быть использована для рассмотрения, например, трансформаций в сфере экономики.

Однако необходимо обозначить общность взглядов на проблематику создания такого «ориентированного на желаемое будущее идеального», которое, в логике представителей данных подходов, всегда представляет собой результат деятельности профессиональных интеллектуалов, причем вне зависимости от области их интересов и методов достижения результатов. В данном случае можно увидеть, как срабатывает концепция методологического анархизма Фейерабенда, в рамках которой могут быть использованы любые методы для достижения практических научных результатов. Интеллектуальные продукты в рассмотренных подходах интерпретируются в качестве теоретического основания будущих практических действий, результата научного поиска, но никак не обыденного и повседневного рассмотрения.

Важным моментом становится объективность идей, которые в дальнейшем реализуются в социальной действительности. Этот момент представляется принципиально важным, поскольку представители всех упомянутых выше подходов главным образом ориентируются на достижения теоретического знания, свободного от мнений, настроений и эмоциональных переживаний [10, с. 94]. Речь здесь идет о том, что получаемый результат позволяет любому человеку использовать знания, усвоенные через восприятие интеллектуальных конструкций, исключив персональные предпочтения. Представители выявленных концепций предлагают схемы, в соответствии с которыми путем идейной имплементации в процессы социальных преобразований оказывается возможным построение новых порядков и формирование иного облика общественного бытия. Как показывает А.В. Попов, сущность объективизма получаемой информации состоит не в абсолютности получаемого знания, содержащегося в интеллектуальных идеях, а скорее в солидарности, т. е. в формировании intersubъективных оснований научных знаний [10]. Данное свойство предполагает возможность любознательности, страстности к знанию и возможности убеждения любого члена интеллектуального сообщества рациональным способом. Именно этот принцип становится основным при выборе базовых интеллектуальных конструктов в качестве базовых для формирования концепции и последующей практической реализации социальных преобразований.

Можно сказать, что идеи сами-по-себе хоть и предлагаются кем-то конкретно, тем не менее в них есть развернутые суждения, позволяющие снизить субъективизм целей, выражаемый с претензиями на универсальность конкретной сетью интеллектуалов. Конечно, можно бесконечно ссылаться на контексты самого формирования идей, однако в теории основное содержание остается стержневым, а под почву адаптируется (т. е. должна быть адаптирована) лишь специфика реализации конкретного «идеального замысла». Таким образом, использование данных интеллектуальных конструктов может осуществляться в не-сильной зависимости от убеждений конкретного человека.

Кроме того, важным свойством идей становится «научная вера», которую можно интерпретировать как доверие полученным результатам. Такая вера представляет собой «состояние познающего индивида, выражающее ценностное отношение к знанию, способствующее принятию его без рационально-теоретических обоснований» [16, с. 26]. Необходимость и потребность в научной вере как таковой обуславливается следующим моментом: она позволяет вобрать в себя имеющиеся результаты предшествующей интеллектуальной деятельности для формирования исходных оснований бесконечно разворачивающихся процессов генезиса идей. Научная вера как доверие к существующим интеллектуальным идеям предполагает возможность проверки (верификации) в тех случаях, когда это оказывается необходимым и целесообразным.

Однако, как показывают О.Б. Шустова и Г.Н. Сидоров, «вера ученого-исследователя закладывает основы будущей теории» [15] и обеспечивает успех не только эмпирическим, но также и теоретическим наукам. В результате исследователи указывают на существование перехода по схеме «вера – убеждение – знание», дающей основание для формирования научных знаний в форме интеллектуальных идей. Подобная активность никоим образом не ограничивает интеллектуальную деятельность людей, однако значительно сокращает подчас излишне длящиеся во времени познавательные процедуры, что позволяет оптимизировать процессы получения и последующей выработки более эффективных способов действия.

Стремление достигнуть поставленных целей, как отмечает В.С. Григорьев, предполагает необходимый человеческий ресурс, позволяющий достигнуть реализации процессов научно-производственных циклов [2]. «Научно-технический прогресс оказывает весьма существенное влияние на повышение темпов экономического роста, обеспечивая сбережение энергоносителей и сырья, высвобождение рабочей силы, решение социальных задач путем улучшения условий труда и быта, повышения качества потребительских товаров» [11, с. 113] – отсюда следует, что применение идей как результатов рациональной и научной деятельности на практике в конкретных сферах общественной жизни дает возможность осуществлять целенаправленные обоснованные трансформации и достигать поставленных целей. В сложившихся условиях новой темпоральности подобное сокращение издержек имеет инструментальное значение прежде всего для перманентно требующихся и осуществляемых по инженерному пути социальных преобразований. В соответствии с этим можно отметить, что идеи предполагают высокую степень гибкости трансформативных практик общественного развития для их успешной адаптации под контекстуально возникающие вызовы. В наиболее явной форме представленная идея заложена в белловской концепции постиндустриального общества, в рамках которой идеи понимаются уже «не просто как “агенты трансформации постиндустриального общества”, но его стратегические ресурсы и “базисные феномены”», которым отведена роль решающих переменных [6, с. 75].

В настоящее время социум сформировал новые требования к интеллектуальным идеям: они превратились в инновационный и креативный продукт, который предопределяет векторы трансформаций общественных связей и отношений, но теперь предлагает актерам и конкретные способы их реализации. Именно такой подход обеспечивает выход обществ на желаемую магистраль эволюционного развития [14], делая его конкурентным в сравнении с теми, где интеллектуальное пространство функционирует обособленно от влиятельных субъектов.

Идеология как совокупность идей и элемент социальной действительности имеет несколько иные характеристики, вследствие чего

предполагает иные механизмы и способы реализуемых в общественной жизни преобразований. Общеизвестно, что в наиболее широком смысле под идеологией принято понимать «карту действительности», т. е. апеллирующую к чувствам и убеждениям человека целостно оформленную систему взглядов и представлений о целях и траекториях движения и развития общества. На сегодняшний день также сложилось несколько авторитетных концепций, по-разному определяющих сущность и роль идеологии в общественной жизни:

1. Марксизм (включая нео- и постмарксизм) понимает идеологию следующим образом: «Определенная система идей, которая выражает интересы политических субъектов, таких, как классы, партии и различные общественные движения, а также является формой контроля в государстве» [4, с. 105]. «Конъюнктурное» определение крайне негативно оценивает идеологию, поскольку в качестве ее существенных признаков выделяются способность манипулирования и стремление к тотальному контролю социальных процессов. Негативности в марксистское понимание идеологии добавляет и советский опыт, воплотивший данную идеологию в создание «сети казарм» с центром в Москве, управляемых, как показала практика, безответственной и некомпетентной властью в условиях тотального беспорядка.

2. Либеральная концепция, которая рассматривает идеологию как рудимент, или анахронизм, индустриального общества по причине все той же политической ангажированности [9] интеллектуальных воззрений человека, класса, целого общества.

3. Функциональный подход определяет идеологию как важный элемент социального бытия, который предназначен для решения конкретных задач, исходя из чего приверженцы данного направления утверждают вечность существования идеологии в любой общественной системе.

4. Обобщенная концепция «Идеология как социальная практика» позволяет увидеть самые различные проявления идеологии. Так, французский неомарксист Л. Альтюссер понимал под ней средство искажения реальности путем создания искусственного миропонимания – именно по этому рецепту создается идеологическое пространство, в котором нет места критическому переосмыслению и рефлексии. Постмодернист Ги Дебор трактовал идеологию в качестве социальной практики, с помощью которой происходит унификация образов жизни людей и их типов мышления [12]. Словенский фрейдомарксист С. Жижек вкладывал в идеологию непривычное, но реальное значение, понимая ее как «наркотик для бегства от реальности»: «Идеология – это матрица, которая регулирует отношения между видимым и невидимым и управляет “производством смысла” в данных конкретно-исторических условиях. Идеология – это процесс производства и воспроизводства практик, ос-

новная функция которого – производство и легитимация отношений господства-подчинения» [8, с. 186].

Разумеется, в современной науке существует гораздо более широкий спектр концепций, представители которых трактуют сущность идеологии по-другому, однако даже исходя из приведенной палитры, высвечивающей разнообразное содержание этого интеллектуального продукта, уже отчетливо виден сложный и многоуровневый характер, отличающий его от идей. В структуре идеологии присутствуют два принципиальных элемента: идейный и мифологический. Первый включает в себя совокупность системообразующих социальных идей и базисных принципов, в которых содержатся концептуальные основания существования и развития конкретного общества. Кроме того, традиционным считается, что идеология в достаточно кристаллизованной форме выражает аксиоматику положений политических субъектов, а при более широком подходе – практически всех социальных субъектов, тем самым позволяя им эффективно представлять и транслировать собственные интересы [5].

В свою очередь, на втором, мифологическом, уровне идеология рельефно прорисовывает свой функционал. К примеру, идеология заимствует у мифа стремления к интеграции и консолидации социума, ликвидации и минимизации возможных конфликтов и противоречий, при одновременном проявлении агрессивного догматизма, двойных стандартов и недопущении и предотвращении любого инакомыслия. Ю.Г. Ершов отмечает, что «основная функция идеологического мифа – служить инструментом адаптации к противоречиям общества социальных групп, не способных рационально воспринимать социальную действительность и анализировать сложные ситуации» [3, с. 50]. По большому счету мифологический уровень идеологии, выполняющий преимущественно адаптивную и объяснительную функции, не позволяет сразу создать принципиально новые концептуальные основания, которые можно было бы применять в качестве базовых структурных элементов для требуемых социальных преобразований. Относительно устойчивый каркас идеологии обладает куда меньшей динамикой в процессе транслирования своего содержания, в отличие от второго рассматриваемого интеллектуального продукта. Впрочем, в отличие от сетей интеллектуалов, идеологи, действующие, как правило, в своих эгоистических интересах, не заинтересованы в диалоге с массами, выступающими объектами воздействия, но не созидания способствующих и направленных на эволюционное развитие общества идей. Уже упомянутый Ершов объясняет это следующим образом: «Программируя специфическими кодами нужные типы социальных коммуникаций, идеология “симулирует” реальность, создает матрицу predetermined выборов и предпочтений. В идеологическом структурировании социальной действительности функцию кодирования выполняют именно мифы – глав-

ные инструменты превращения публики в “некритично мыслящую массу”. Массы, не готовые и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифологем» [3, с. 51].

С одной стороны, подобное симулирование реальности в теории предопределяет критические оценки со стороны заинтересованных групп, но чаще всего не дает им реальных возможностей для участия в повышении эффективности реализуемых властными акторами социальных преобразований. Весь пафос идеологии проявляется в том, что он заставляет некритически мыслящую аудиторию довольствоваться теми знаниями и идеями, которые на деле не позволят реализовать изменения в сферах общественной жизни в позитивном ключе.

Из приведенной логики можно сделать еще один промежуточный вывод. Основными представителями целевых аудиторий симулятивного идеологического мифотворчества становятся малограмотные социальные группы и слои, которые априори не способны, а вполне вероятно, и не заинтересованы в осуществлении необходимых преобразований, ожидая их сверху как «манну небесную» и живя по принципу «будь что будет». Опыт тоталитарных государств наглядно показал, что уровень профессионализма людей с абсолютно идеологизированным сознанием недостаточен для качественного проведения социальных трансформаций. В то же время интеллектуалы, формирующие идеи, предлагающие и (при поддержке) использующие их для проведения преобразований в обществе, артикулируют рационально определенные цели, которые далеко не во всех случаях доходят до адресата, что изначально сказывается на недостижимости поставленных результатов в силу высоких издержек даже поддержанных влиятельными субъектами изменений [1].

Выходит, что мифологический уровень идеологии является полезным только в случаях централизованного принятия каких-либо решений, поскольку не требует от масс диалога и рефлексии. Однако следует помнить, что согласно передовому опыту современный мир стремится ответить максимально возможному числу интересов, потребностей и экспектаций, поскольку в противном случае он, как правило, лишен одного из своих значимых маркеров – сформированного гражданского общества.

Несмотря на однозначный позитивный характер оценок идеологии, высказываемых многими исследователями, важно указать на то, что содержательная и функциональная часть этого интеллектуального продукта несправедливо упрощается. Это объясняется наличием в ней большого количества эмоциональных и оценочных принципов, что, собственно говоря, снижает эффективность концептуальных построений, ориентирующих адептов на достижение определенного образа желаемого будущего. На наш взгляд, правомерно утверждать, что в рамках идеологического воздействия формируются возможные представления о

значимости трансформаций (если, конечно, речь идет не об оправдании наличного социального порядка), но никак не о том, что, как и каким образом необходимо сделать, чтобы общество обрело нового качества.

Предназначение идеологических практик сосредоточивается вокруг выполнения совершенно иных задач. Для этого можно рассмотреть другую структуру идеологии, в которой выделяют следующие уровни: 1) элитарный, 2) пропаганды и просвещения, 3) житейский. Первый состоит в формировании научной информации, которая чаще всего не распространяется далее ограниченного круга политической и интеллектуальной элит. В свою очередь, на втором уровне составляющие конкретный интеллектуальный продукт идеологемы транслируются и упоминаются в учебной и научной гуманитарной и обществоведческой литературе, что уже дает определенные возможности для манипулирования сознанием не критически мыслящих и читающих людей. Наконец, на третьем уровне находится та информация, которая предназначена для массовых потребителей, имеющих, как это принято говорить, мещанские психологические установки. Логично, что именно на данном последнем уровне для обработки сознания обывателя идеологи применяют самые простейшие, но в то же время наиболее эффективные с практической точки зрения механизмы в форме рекламной продукции, фильмов и т. д. По одной из интерпретаций, основная задача такой извращенной до своего примитивизма идеологии (а ведь изначально ее создатель французский мыслитель Антуан Дестют де Траси желал придать ей сугубо научный статус) заключается в том, чтобы «держать значительную часть людей <...> в одной идеологической клетке» [13, с. 110]. Отсюда следует, что в рамках идеологии мир и общество даются уже готовыми, т. е. не такими, какими они есть на самом деле в данный момент, но такими, как они представляются субъектам, заинтересованным в идеологическом воздействии на конкретные целевые группы. Упрощенная концентрация социальной действительности, которая дается в идеологии, содержательно вторична по отношению к идеям, в которых, наоборот, дается противоречивый характер наличных условий и предлагаются планы (пусть нередко это ошибки и заблуждения) по выходу общества на желаемый уровень эволюционной магистрали. Люди, подверженные влиянию не изменяющей свою риторику идеологии, в большинстве случаев теряют не просто самостоятельность, но и интерес к познанию общества, довольствуясь своим местом в нем, благодаря которому они лишь учатся фильтровать, что «можно» пропускать в свое сознание, а что «нельзя», поскольку это размывает кажущуюся им устойчивость идеального социума.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сама по себе идеология не способна быть эффективным основанием для формирования и продвижения социальных трансформаций. Она может оказаться лишь средством или, говоря более точно, одним из факторов, ис-

пользуемых для реализации интеллектуальных конструкций при проведении социальных преобразований. Сделаем акцент: основанием преобразований остаются интеллектуальные идеи, поскольку в них закладываются принципы построения нового социального порядка, идеология становится средством его достижения. Такое положение идеологии определяется неспособностью большей части людей к самостоятельному мышлению и согласованному совместному действию, что требует определенного влияния на принципы их совместной работы для согласованности достижения желаемых результатов.

Для наглядного примера сошлемся на исследование В.С. Морозовой, которая отмечает, что в КНР при проведении социальных преобразований акторы руководствовались стратегией так называемого «мирного возвышения», фундированной концепцией всестороннего и согласованного длительного развития с соблюдением базового принципа «народ – основа». Морозова показывает, что современной интеллектуальной элите Китая удалось диагностировать основные вызовы, возникшие перед страной, а затем она сформировала идейный каркас в виде полноценного плана социально-экономических реформ, в структуре которого предусматривается изменение положения граждан для минимизации негативных последствий неравномерного распределения благ. При этом в рассматриваемой работе делается акцент на том, что именно эксперты дали научное обоснование идеям социальных трансформаций (синтез концепции «общества среднего достатка», положений социализма и традиционного для китайского общества конфуцианства). Поддержав этот интеллектуальный продукт, государству удалось улучшить положение и создать «гармоничное общество» не только в интересах властных акторов, но и, что более значимо, для граждан страны [7]. Таким образом, сегодня эволюционное развитие государства предъясняет определенную инновационность к специфике генерации идей и их последующей адаптации к контекстуальным реалиям при воплощении на практике.

Обратимся к другому примеру. История показала, что идеологическая детерминация социальных преобразований получает наибольшее распространение в тоталитарных обществах. Хорошо знакомая нам коммунистически-социалистическая идеология советского общества обусловила следование весьма предвзятым идеям, которые преследовали односторонние цели по укреплению власти первых лиц, для чего интеллектуалы, находившиеся в фаворе у влиятельных субъектов, достаточно часто использовали и постулировали неадекватные аргументы и средства, выдаваемые при этом за объективные исторические закономерности. Подобные реалии государственного развития привели к резкому сужению сферы интеллектуального поиска, что наслылось на первоначальную проблему – практически полное отсутствие способных на эти поиски людей, что было связано с последствиями зачистки «ин-

теллектуальной базы», осуществленной советскими властями. Какие же ответы в виде новых форм общественного устройства на вызовы уско-ряющегося нелинейного мира могли предложить те, чье сознание было гиперидеологизированным? Разумеется, что в преобладающем боль-шинстве случаев это было стихийное реагирование, способствовавшее ослаблению связей между элементами внутри общественной системы и по итогу только усугубившее институциональные разрывы наличного порядка.

Второй рассмотренный нами пример подтверждает тезис о том, что социальная динамика требует от интеллектуалов новых и своевре-менных смысловых схем, корреспондирующих с эволюцией развития общества. Тогда как руководство идеями марксизма в их первоначаль-ном варианте ввиду отсутствия в советском интеллектуальном сообще-стве креативных социальных идей привело к стагнации государства, по-скольку партийный истеблишмент так и придерживался несколько де-сятилетий одной линии, не задумываясь о новых мыслительных кон-структах. Таким образом, нарастающая дисфункциональность советских структур была обусловлена отсутствием последующего контекстуаль-ного пересмотра марксистской идеологии, которая все дальше и дальше отрывалась от породивших ее реалий, не соответствуя вызовам време-ни. Следовательно, отсутствие собственных идей социального развития, которые можно было бы применить на советской почве, коррелирует с неадекватностью принимаемых властными акторами решений перед стремительно изменяющимся будущим.

Недооценка роли новых знаний и однонаправленность интеллек-туальных поисков ввиду идеологической верности каким-либо постула-там никоим образом не может способствовать эволюции общества, ос-нова которого видится нам в аналитическом и идейном лидерстве. В це-лом же из проведенного нами сравнительного анализа интеллектуаль-ных продуктов отчетливо видно, что идеи выступают более эффектив-ным основанием социальных преобразований, чем идеология. Самооче-видно, что особенности процессов генезиса и изменения содержания данных интеллектуальных конструктов говорит о куда меньших из-держках в случае с идеями, которые являются более гибкими, как при создании, так и при своем (особенно инженерном) применении. В то же время ремоделирование идеологий с гораздо большей вероятностью бу-дет сопрягаться с когнитивной растерянностью и возможным общим коллапсом социальной системы, не только детерминируя его стагнацию, но и деградацию. Наконец, государственное развитие в логике эволю-ции не терпит упрощений, а тем более превалирования эмоционального над рациональным, пусть в абсолютном большинстве случаев и приво-дящем к реализации модификаций определенного идеального замысла.

Список литературы

1. Барашков Г.М. Понятия политической и государственной идеологии в современной российской политической науке // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2007. Т. 7, № 1. С. 88–92.
2. Григорьев В.С. Истоки инновационных преобразований общества // Инновации. 2008. № 3 (113). С. 60–62.
3. Ершов Ю.Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 48–53.
4. Ефимов В.С. О философском смысле идеологии в неомарксизме // Омский науч. вестн. 2015. № 4 (141). С. 105–107.
5. Клименко А.И. Функции и структура правовой идеологии современных государственно-образованных обществ и международных сообществ // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 48–61.
6. Корниенко А.А. Факторы трансформации организационных форм науки в обществе знания // Власть. 2015. Т. 23, № 11. С. 74–80.
7. Морозова В.С. Ценностно-идеологический фактор в условиях социальных преобразований КНР // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 11, № 32. С. 147–152.
8. Нугаев М.А. Общественная идеология в свете психоаналитического подхода: концепция Славо Жижекa и его школы // Вестн. экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 184–187.
9. Полякова Н.В. Раймон Арон: интеллектуал в политике и политика интеллектуала // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 6 Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 45–53.
10. Попов А.В. Базовые характеристики научного сознания // Вестн. ОГУ. 2007. №7 (71). С. 94–100.
11. Старостин А.Ю. Научно-технический прогресс и эффективность накопления // Молодой ученый. 2011. № 7 (30), Т. 1. С. 113–116.
12. Тищенко Н.В. Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 143–147.
13. Фельдман В.Р., Абаев Н.В. Идеология в социально-политической динамике // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. № 6. С. 109–113.
14. Цыра А.В. Инновационность науки как универсальный феномен современного социоэкономического развития общества // Труды БГТУ. Сер. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 109–112.
15. Шустова О.Б., Сидоров Г.Н. Вера ученого как доказательство научного познания // Наука сегодня: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Вологда: ООО «Маркер», 2016. Ч. 1. С. 100–101.
16. Ярыгин Н.Н. Вера в научном познании // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2011. № 2-4. С. 26–30.

SOCIAL TRANSFORMATIONS IMPLEMENTATION INTELLIGENT PRODUCTS: IDEAS VS IDEOLOGIES

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

The realities of contemporary social life, which are formed under the influence of many different challenges and, in addition, are in a state of turbulence due to the nonlinearity of the world, require non-trivial and timely responses. The purpose of contemporary social sciences is seen in the need to realize not only theoretical, but also applied potential. Intellectuals' networks are called upon to create competitive products reflecting the results of their mental activity, which would at the same time ensure the evolutionary development of a society. The article is devoted to consideration of a long-standing dispute about which of the intellectual products, ideas or ideology, is the most effective from the standpoint of implementing social transformations. The theoretical and methodological basis of the research was formed by the comparative method and the integral concept of the study of social transformations developed by the author, taking into account the provisions of the actor-network theory, neoinstitutionalism, world-systems analysis, the narrative approach, the theory of frames, and a number of other research attitudes. The essence of ideas and ideologies is considered. Mechanisms for creating data for intellectual products are shown. Based on the analysis of historical facts related to the ideological determination of the processes of social transformations, the author comes to an unambiguous conclusion about the greater efficiency of ideas over ideologies.

Keywords: *idea, ideology, intellectuals, society, context, history, evolution.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophy Sciences), Associate professor of history, philosophy and social sciences Dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Associate professor of humanitarian and law disciplines Dept., Kuzbass state agricultural academy. E-mail: nickravochkin@mail.ru